

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 41–46. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 41–46. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09»20»

EDN OVGLDH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-41-46>

ДАЧА ГРАФА АПРАКСИНА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Борисова Дарья Максимовна, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, borisovadarya2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0454-5924>

Аннотация. Статья посвящена бывшей даче графа Апраксина в Балаклаве (Крым), где Паустовский отдыхал в 1929 г. Для изучения влияния данного периода на жизнь и творчество писателя были проанализированы его письма, дневники и художественные произведения, а также воспоминания очевидца поездки – сына Паустовского Вадима. Удалось выяснить, что архитектура дачного ансамбля «Прибой», выстроенного в 1900-х гг. Н.П. Красновым, мало интересовала Паустовского. В центре его внимания оказались природа и история этих мест, жизнь рыбаков-греков, описанная в «Листригонах» А.И. Куприна. Дача, превращенная в дом отдыха, была для Паустовского тихим пристанищем, рабочим кабинетом, отправной точкой для походов и поездок по окрестностям. Значение месяца, проведенного прозаиком на даче Апраксина, сложно переоценить. Балаклавские впечатления стали материалом для рассказа «Морская прививка» (1935), книги «Черное море» (1936), статьи «Поток жизни (Заметки о прозе Куприна)» (1957). Как утверждал сам Паустовский, именно после Балаклавы он принял решение всецело посвятить себя писательству, перешел от увлечения экзотикой к «жизненной» романтике.

Ключевые слова: К.Г. Паустовский, дача, локус, Крым, Балаклава, «Морская прививка», «Черное море», «Поток жизни (Заметки о прозе Куприна)».

Для цитирования: Борисова Д.М. Дача графа Апраксина в жизни и творчестве К.Г. Паустовского // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 41–46. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-41-46>

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Research Article

COUNT APRAK SIN'S DACHA IN THE LIFE AND WORK OF K. G. PAUSTOVSKY

Darya M. Borisova, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, borisovadarya2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0454-5924>

Abstract. This article focuses on the former dacha of Count Apraksin in Balaklava, where Paustovsky spent his vacation in 1929. To study the influence of this period on the author's life and work, we analyzed letters, diaries, and literary works, as well as the memoirs of the writer's son, Vadim. The author discovered that the architecture of the "Priboy" dacha complex, built in the 1900s by N.P. Krasnov, was of little interest to Paustovsky. Instead, he focused on the nature and history of the area, as well as the life of the Greek fishermen, which was described in "Listrigons" by A.I. Kuprin. The dacha, which was turned into a holiday home, was a quiet refuge for Paustovsky, a working office, and a starting point for hiking and exploring the surrounding area. The significance of the month that the writer spent at Apraksin's dacha cannot be overstated. His experiences in Balaklava served as the inspiration for his short story "The Sea Vaccination" (1935), his book "The Black Sea" (1936), and his article "The Flow of Life (Notes on Kuprin's Prose)" (1957). According to the writer, it was after his time in Balaklava that he made the decision to fully dedicate himself to writing, moving from his fascination with exoticism to a more "realistic" romanticism.

Keywords: K.G. Paustovsky, dacha, locus, Crimea, Balaklava, "Sea Vaccination", "The Black Sea", "The Flow of Life (Notes on Kuprin's Prose)".

For citation: Borisova D.M. Count Apraksin's Dacha in the Life and Works of Konstantin Paustovsky. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 41–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-41-46>

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00051-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) на протяжении всего творческого пути рассматривал дачу как место общения с природой, обретения внутренней гармонии, вдохновения и сил для плодотворной творческой работы. «Усадебно-дачная» жизнь писателя в брянском имении Рёвны, «мещёрский» и «тарусский» периоды, история дома-музея в Старом Крыму многократно описаны в научной литературе (см.: [Скороходов 2023a], [Скороходов 2024], [Михаленко 2023], [Борисова 2024]).

Вместе с тем дачная география Паустовского значительно шире. Она включает в себя и Подмосковье (Пушкино, Переделкино, Озерицы), и Украину (окрестности Киева и Одессы), и Приуралье (Тарловка), и Сибирь (Белокуриха). В Крыму, помимо дома-музея, существуют несколько адресов, где останавливался писатель. Жизнь Паустовского в Алуште и образ приморского городка в творчестве писателя представлены в статье М.В. Скороходова [Скороходов 2023b]. Другим местом летнего отдыха в Крыму стала для писателя бывшая дача Апраксина на западном берегу Балаклавской бухты.

Граф М.А. Апраксин (1863–1926), церемониймейстер императорского дворца и кум Николая II, построил дачный комплекс «Прибой» в начале 1900-х гг. В это время Балаклава превращалась из тихого заштатного городка в популярное место отдыха. В 1906 г. газета «Южный край» все еще отмечала недостаточную известность этих мест, рекламируя их достоинства: «расположение у великолепной бухты <...>, мягкий климат, <...> оригинальность дикой природы, недорогая спокойная жизнь» [Путеводитель по старой Балаклаве: 208]. Однако А. И. Куприн уже мог наблюдать картины, вскоре описанные им в «Листригонах» (1911): «бестолковое и суетливое лето с духовой музыкой по вечерам и с пылью от дамских юбок, и с жалким флиртом, и спорами на политические темы» [Куприн 4: 489], кожура и сор, «в противном изобилии» оставленные отдыхающими [см.: Куприн 4: 488]. Приезжие останавливались в гостиницах «Гранд-Отель» и «Россия», снимали комнаты в Севастополе или его окрестностях. По берегам бухты вырастали дачи – от небольших домиков до великолепных особняков и дворцов, принадлежавших аристократам и владельцам местных фабрик и заводов.

Над проектом «Прибоя» работал Николай Петрович Краснов (1864–1939) – главный архитектор Ялты, создатель целого ряда великолепных крымских дворцов, усадеб и вилл («Отрады», «Сельбиляра», «Дюльбера», «Суук-Су», «Чаира» и т. д.). Впоследствии Краснов прославится созданием летней резиденции императора – Ливадийского дворца (1909–1911).

Главный корпус «Прибоя», выстроенный в неогреческом стиле, стоял на искусственной террасе

из необработанного камня. Южнее располагалась другая постройка с эллином на первом этаже – граф занимался яхтингом. Другим увлечением Апраксина были цветы – о саде вокруг дома писал в своем дневнике Николай II, посетивший родственника в 1913 г. Современники отмечали красоту строений и удачное расположение дачного комплекса: «На повороте шоссе воздвигнута прелестнейшая, в архитектурном отношении, дача графа Апраксина. На высоких карнизах стен, прекрасной кладки, высится чертог, изобилующий четырехгранными стройными белыми капителями; повсюду свешивается плющ, хмель, а на уступах стен торчат стройные кипарисы. Изобилие цветов контрфорсных стен, мостиков, воздушных площадок, перекинутых во всевозможных направлениях по довольно крутым склонам гор, привлекает взгляд случайных туристов» [Путеводитель по старой Балаклаве: 242].

После революции граф Апраксин эмигрировал и скончался во Франции в 1926 г. В 1920-х гг. бывшая дача была переоборудована в комфортабельный дом отдыха на девять комнат; номера обходились постояльцам в 80–150 рублей в месяц [Путеводитель по Крыму: 156].

22 июня 1929 г. Константин Паустовский вместе с женой Екатериной Степановной и сыном Вадимом приезжают в Крым. Писатель надеется отдохнуть от московской суеты и нелюбимой работы в РОСТе. 23 июня Паустовский прибыл в Балаклаву. Город ему понравился, показался похожим одновременно на итальянскую Венецию и на греческий Пирей. Впоследствии в дневниковых записях будут неоднократно упоминаться дача и «маленький» («Апраксинский») пляж, где Паустовский обычно проводил утро.

Ни в письмах, ни в дневниках нет подробного описания графской дачи. Приглашая в Балаклаву своего старого товарища Рувима Фраермана, Паустовский останавливался лишь на ценах за комнату и жилищных условиях: «Там очень тихо, пустынно, можно прекрасно работать (есть электричество)» [Паустовский 9: 80]. Возможно, особняк начала XX столетия просто не казался писателю чем-то интересным по сравнению с развалинами генуэзской крепости или самой бухтой, описанной Гомером в «Одиссее». А возможно, дача Апраксина была для Паустовского прежде всего отправной точкой для путешествий по окрестностям и спокойным местом для писательского труда. Внимание прозаика в это время привлекали море, живописные берега бухты, жизнь рыбаков-греков, воспетая в «Листригонах» Куприна. В письме Паустовский рассказывает Фраерману, как проводит время: «Я купаюсь, ловлю бычков с затопленной шхуны и со скал, шатаюсь по горам, в лесах из туи, стал черный, как балаклавский Листригон. Познакомился с рыбаками, особенно любезные здесь

старики-ворчуны – люди чрезвычайно болтливые, скептики и философы, бывшие матросы, пьяницы и в большинстве – неудачники. Особенно прославлен неудачами мой приятель Петро Димченко, бывший боцман. О нем я расскажу Вам подробно при встрече. Балаклава не похожа на весь остальной Крым – здесь много от Греции и от Палестины – серые камни и мак, полынь и сухость» (3 июля 1929 г., Балаклава). [Паустовский 9: 80]. В дневниках писателя этого времени упоминается перевозчик Пашка – будущий герой рассказа «Морская прививка» (1935) [см.: Паустовский. Из дневников].

Память Вадима Паустовского, которому тогда было 4 года, сохранила больше подробностей: «В глубине залива – ровная линия небольшой набережной, на которую выходило несколько высоких дач, построенных, по-видимому, еще в конце прошлого века. Ползучий виноград оплетал колонны обветшавших античных портиков, широкие белые лестницы вели сразу на верхние этажи. Мы жили в пансионате, который по старой памяти назывался «Дача адмирала Апраксина»¹. На потолках его пустынных светлых комнат непрерывно колебалась легкая рябь солнечных зайчиков – отражение игры прибрежных волн. С балкона пансионата был хорошо виден греческий поселок на другом берегу» [Паустовский В.К.: 429]

17 июля 1929 г. писатель уезжает в Москву. Вынужденная разлука с женой и сыном, оставшимися в доме отдыха до осени, необходимость вернуться к городской жизни и нелюбимой работе тяготят Паустовского. Писатель постоянно обращается к балаклавским воспоминаниям, посылает Екатерине Степановне письма. 15 августа Паустовский сообщает жене, что уже работает над рассказом о летней поездке для журнала «30 дней». Первоначально произведение носило название «Лето». «Пришлось писать четыре дня очень напряженно, но рассказ вышел хороший – бессюжетный, там есть Дим-Передим² и ты, и Петро Дымченко, и Балаклава. <...> Рассказ о лете, мальчике, который в первый раз увидел море <...>. Похоже отдаленно на прозу О. Мандельштама («Шум времени») или Б. Пастернака» [Паустовский 2025-2]. Далее следует начальный фрагмент, оставшийся практически без изменений. 2 сентября писатель сообщает, что все еще занят работой над рассказом, где будет «много солнца, моря и ребячества» [Паустовский 9: 82]. «В моем рассказе, в конце, мальчик с мамой едет к отцу, в Москву и всю дорогу волнуется и пристает к маме, – хватит ли в паровозе дыма до Москвы? Я уже начинаю выдумывать за Дима» [Паустовский 9: 82]. 5 ноября 1929 г. открывается Московский планетарий, и писатель становится одним из первых его посетителей. Впечатление от контраста между искусственным и настоящим небом также отразится в рассказе.

В итоге произведение вышло только в 1935 г. под названием «Морская прививка» [см.: Паустовский 1935]. Событийную канву «бессюжетного» рассказа составляют обычные курортные происшествия: прибытие молодой семьи в Балаклаву, купание и морские прогулки, дружба с рыбаком Петром Дымченко и перевозчиком Пашкой, и, наконец, отъезд в Москву. Внимание автора сосредоточено прежде всего на перемене внутреннего состояния каждого из героев.

Как известно, слово «привить» в зависимости от контекста может означать и «ввести вакцину для предотвращения или ослабления болезни», и «приспособить к местным условиям, акклиматизировать», и «заставить усвоить что-то, приучить к чему-либо». Все эти значения реализуются в рассказе.

Маленький Мишук оказывается на море в том возрасте, когда дети особенно активно познают мир – не случайно герой постоянно озадачивает взрослых неожиданными вопросами: «А что оно делает, море?» [Паустовский 6: 130], «Зачем море большое?» [Паустовский 6: 131], «Зачем рыба плавает?» [Паустовский 6: 133] Ребенок переживает поездку на море как встречу с чем-то непонятным, необъяснимым и поэтому одновременно пугающим и притягивающим: «Мишук дрожал от страха и смеялся. <...> Он был слишком маленький, а море было слишком большое. <...> Впервые он ощутил величие стихий [Паустовский 6: 131]. Мальчику требуется время, чтобы преодолеть страх, привыкнуть к морю и полюбить его: «Морскую прививку Мишук переносил долго: только через неделю он перестал говорить в присутствии моря шепотом. Но тогда море уже стало его другом» [Паустовский 6: 132].

Для матери мальчика отдых в приморском городке становится исцелением от усталости, «утраты чувства жизни» [Паустовский 6: 131], переживания из-за «внезапных перемен в муже» [Паустовский 6: 131]. Паустовский не уточняет, что именно произошло между супругами – возможно, пара переживает кризис отношений, возможно, «муки творчества» поглощают все внимание писателя, отдаляя его от родных. Приезжая на море, женщина чувствует успокоение и радость: «Прошлое исчезло. <...> Оно тонуло в этой синеве, брызгах, в детском хохоте» [Паустовский 6: 131]. Героиня освобождается от тягостного прошлого, снова обретает радость жизни, восхищение красотой мира. Исцелившись душой, героиня становится мудрее, начинает глубже мыслить и понимать жизнь. Не будучи писательницей, она может дать супругу мудрый совет: «Я перечитываю написанное тобой, и мне тяжело, что ты прячешься от жизни в переулки, заросшие тропическими цветами и переполненные сверх всякой меры солнцем и блеском. Литература не валерьянка, а полный крошечный кусок человеческой жизни. Пиши о настоящих

людях, о том, как создается на крови и нервах новое человечество. Прекраснее этого ты ничего не найдешь» [Паустовский 6: 135].

В самом писателе – alter ego Константина Паустовского – происходит внутренний переворот. Прежде герой был увлечен пышной экзотикой и вольным полетом фантазии, «писал так, как мальчишки собирают марки или вырезают из дерева модели кораблей» [Паустовский 6: 135]. Напряженность действия, жизнеподобие героев, стремление передать чувство эпохи не были свойственны его творчеству. В итоге оторванность от жизни привела героя к ощущению, что читатели не понимают его, к творческому кризису и разочарованию. После поездки в Балаклаву и посещения планетария писатель пересматривает свои художественные принципы: «Он думал, что надо забыть все написанное и начать писать по-новому. <...> Возвеличить эпоху – блистательную и неповторимую. Вместо выуживания со дна сознания пестрых тряпочек своих чувств и настроений заговорить полным голосом и дышать всей грудью воздухом времени, едким и свежим, как океанская соль» [Паустовский 6: 135].

Во время знаменательной поездки в Балаклаву герои живут в «доме, высеченном в скалах» [Паустовский 6: 130]. Паустовский не описывает его подробно, упоминая только «белые комнаты», где днем «стоял плотный солнечный свет» [Паустовский 6: 130], наличие балкона и сада вокруг дома. Перед нами обобщенный образ крымской дачи, при этом, несомненно, списанный с бывшего «Прибоя» графа Апраксина. Дом как бы сливается с пейзажем Балаклавы, представляет его органичную часть. Однако именно с этой дачей, так лаконично, вскользь описанной автором, связана перемена душевного состояния героев. В доме Мишук впервые ощущает потрясение от встречи с морем: «Мишук сел на пол: за окном было страшно. Там тучей лежал глубокий глухой воздух. Пол был горячий, море было непонятно, и Мишук заплакал» [Паустовский 6: 130]. Окно дома воспринимается как граница между относительно понятным миром дачи и непознанным миром водной стихии. Балкон дачи становится точкой обзора, с которой можно, оставаясь в безопасности, осмотреть загадочное море и как-то описать его с помощью привычных образов: «Но любопытство преодолело страх. Через полчаса Мишук стоял на балконе и кричал в восторге: по морю плыли большие лошади с белыми гривами. Гривы то окунались в воду, то вскипали пеной. Лошадей было много, – больше, чем во всей Москве» [Паустовский 6: 130]. От дома в скалах начнется постепенное приближение мальчика к морю, завершившееся плаванием на лодке с Петром Дымченко. Балаклавские рыбаки-греки, хотя и в шутку, признают мальчика своим: «Хорош пацанчик! Будет наследником на “Корсаре”, – он уже

к морю имеет привычку!» [Паустовский 6: 133]. Для матери Мишука дом становится тихим убежищем от тревог. Только поселившись на даче, женщина чувствует, что «на душе у нее <...> спокойно от света» [Паустовский 6: 130], заливающего белые комнаты. Позднее, после отъезда писателя, оставшаяся на даче героиня переживает настоящее озарение. Одиночество, подталкивающее к размышлениям, грозная и величественная картина бушующей за окном стихии, как бы случайно освещенная молнией книга с подчеркнутыми словами дают толчок к серьезной внутренней работе. Женщина не только ясно увидела «детские болезни» произведений супруга, но и нашла «рецепт» для их «излечения».

В предисловии к Собранию сочинений в 6 томах («Несколько отрывочных мыслей») Паустовский утверждал: пребывание в Балаклаве помогло ему, как и его герою-писателю, уйти от пышной экзотики, не отказываясь при этом от романтики [Паустовский 1958: 9–10]. Но балаклавские «каникулы» стали для Паустовского важным рубежом не только поэтому. В письме от 2 сентября 1929 г. писатель сообщает жене, что после поездки почувствовал силу своего таланта, твердо решил оставить газетно-журнальную работу и полностью посвятить себя литературе. Осуществить свою задумку Паустовскому удастся позднее, после выхода повести «Кара-Бугаз» (1932).

Впоследствии писатель обратится к балаклавским воспоминаниям в книге «Чёрное море» (1936) и статье «Поток жизни (Заметки о прозе Куприна)» (1957). Дача Апраксина там не упоминается и не описывается, однако генетическая связь обоих произведений с «Морской прививкой» очевидна.

В «Чёрном море» (1936) появляется уже знакомый читателям Петру Дымченко, причем образ его усложняется. Теперь это не только знаток своего дела, открывающий приезжим тайны моря, но и хранитель истории – участник восстания на крейсере «Очаков», свидетель последних часов жизни лейтенанта Шмидта. Образ художницы Сметаниной скорее всего списан с Екатерины Степановны Загорской-Паустовской. Вновь возникает фигура художника слова, отказывающегося от выдуманной экзотики в пользу подлинной красоты и романтики жизни. В писателе Гарте объединены черты Александра Грина и самого Паустовского; таким, вероятно, мог бы стать Грин, переживший подобное перерождение.

«Поток жизни» (1957) написан Паустовским спустя три десятилетия после знаменательной поездки в Балаклаву. Работая над статьей, ставшей вступлением к Собранию сочинений А.И. Куприна в 6 томах, писатель отказывается от простого пересказа его биографии. На протяжении всей статьи автор подчеркивает, что Куприн был его старшим современником. В 1905 г. юный рассказчик был потрясен

чтением «Поединка», в 1916 г. работал на описанном в «Молохе» Юзовском заводе, в 1921 г. – присутствовал на похоронах прототипа Сашки-Музыканта. Рассказчик не только общался со знавшими Куприна людьми – Антоном Сигизмундовичем Ловенгардтом и Николаем Никандровым, – но и видел самого писателя на литературном вечере. «Перечитывая Куприна, я с удивлением заметил, что в своих жизненных скитаниях я как бы шел по его следам. Западный край, Киев, Одесса, Донбасс, Балаклава, Мещёрские леса под Рязанью – все это прошло через жизнь почти в той же последовательности, как и в жизни Куприна. Разница была только во времени, и то небольшая, не больше двадцати лет» [Паустовский 7: 485]. Паустовский постоянно сравнивает описанное в книгах Куприна со своим жизненным опытом, выстраивая таким образом заочный диалог. Так, типы офицеров из «Поединка» дополняются образом знакомого автору недалекого и самоуверенного Ромуальда Козловского («Повесть о жизни»), а описания Балаклав в «Листригонах» – воспоминаниями о лете 1929 г. Прочитовав фрагмент о балаклавской ночи, рассказчик подчеркивает точность описаний, дает свой пейзаж ночной Балаклав, продолжающий традиции Куприна: «Но самыми поразительными, действительно магическими и необыкновенными являются балаклавские ночи, когда свет единственного в городе фонаря тонет во мраке и так хорошо думать, сидя на балконе, в крошечной темноте и чувствовать беспредельный покой и какую-то, я бы сказал, тишину сердца. В этой тишине должны рождаться удивительные мысли и такие удивительные книги, как “Листригоны”» [Паустовский 7: 489].

Как видим, дача Апраксина сыграла в жизни Паустовского важную роль. Архитектурные достоинства «Прибоя» остались на периферии внимания писателя, увлеченного исследованием окрестностей и общением с рыбаками-«листригонами». Однако отдых на бывшей графской даче помог Паустовскому восстановить силы, получить материал для новых произведений, переосмыслить свои художественные принципы и наконец стать профессиональным писателем.

Примечания

¹ Видимо, в сознании В.К. Паустовского произошла контаминация: граф М.А. Апраксин, увлекавшийся яхтингом, смешался в памяти местных жителей со своим предком – сподвижником Петра I адмиралом Ф.М. Апраксиным (1661–1728).

² Дим – прозвище Вадима Паустовского в детстве.

Список литературы

Источники

Куприн А.И. Собр. соч.: в 6 т. М.: Гослитиздат, 1957–1958. Т. 4. 790 с.

Паустовский В.К. Прививка к географии // Воспоминания о Константине Паустовском / сост. Л. Левицкий. М.: Советский писатель, 1983. С. 423–464.

Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986.

Паустовский К.Г. Несколько отрывочных мыслей (Вместо предисловия) // Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 6 т. М.: Гослитиздат, 1958–1959. Т. 1. С. 5–18.

Паустовский К.Г. Из дневников // Паустовский К.Г. Книга скитаний. URL: <https://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/kniga-o-zhizni/kniga-skitanij-pril2.htm> (Дата обращения 21.07.2025).

Паустовский К.Г. Из переписки // Паустовский К.Г. Книга скитаний. URL: <https://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/kniga-o-zhizni/kniga-skitanij-pril2.htm> (Дата обращения 21.07.2025).

Паустовский К.Г. Морская прививка: рассказ // 30 дней. 1935. № 3. С. 3–10.

Путеводитель по старой Балаклаве: илл. М.: Вива-Стар, 2022. 304 с.

Путеводитель по Крыму: очерк рев. движения под ред. В. Камшицкого / под ред. проф. А.И. Маркевича, А.И. Полканова и проф. Н.Л. Эрнста. Изд. 2-е. Симферополь: Крымгосиздат, 1925. 267 с.

Исследования

Борисова Д.М. «Усадебный» рассказ К.Г. Паустовского «Четверо» // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. № 2 (103). С. 167–171.

Михаленко Н.В. Топос творчества в произведениях К.Г. Паустовского // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 217–223. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-217-223>

Скорыходов М.В. Дачный топос в жизни и творчестве К.Г. Паустовского // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: Сб. научных статей. Вып. 2 / отв. ред. М. В. Скорыходов. М.: МАКС пресс, 2023а. С. 84–98.

Скорыходов М.В. Литературные ландшафты во круг писательских дач С.Н. Сергеева-Ценского, И.С. Шмелева и К.Г. Паустовского в Крыму // Mundo Eslavo. 2023b. № 22. С. 97–110.

Скорыходов М.В. Тарусская жизнь Константина Паустовского: в поисках гармонии // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. № 2 (103). С. 172–176.

References

Borisova D.M. “Usadebnyi” rasskaz K.G. Paustovskogo “Chetvero” [The “estate” story by K.G. Paustovsky “Four”]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes by Orel State University], 2024, vol. 2, no. 103, pp. 167–171. (In Russ.)

Mihalenko N.V. *Topos tvorchestva v proizvedenijah K.G. Paustovskogo* [Topos of Creativity in the Works

of Paustovsky]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], vol. 69, 2023, pp. 217–223. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-217-223>

Skorohodov M.V. *Dachnyi topos v zhizni i tvorchestve K.G. Paustovskogo* [Dacha Topos in the Life and Work of K.G. Paustovsky]. *Tvorcheskoe nasledie Konstantina Paustovskogo v XXI veke: Sb. nauchnykh statei* [Creative Heritage of Konstantin Paustovsky in 21st Century: Collection of Scientific Articles], vol. 2, ed. by M.V. Skorohodov. Moscow, MAX Press LLC Publ., 2023a. pp. 84–98. (In Russ.)

Skorohodov M.V. *Literaturnye landshafty vokrug pisatel'skih dach S.N. Sergeeva-Censkogo, I.S. Shmeleva i K.G. Paustovskogo v Krymu* [Literary Landscapes Around the Writer's Dachas of S.N. SergeyevTsenskiy,

I.S. Shmelev and K.G. Paustovskiy in the Crimea]. *Mundo Eslavo*, 2023b, no. 22, pp. 97–110. (In Russ.)

Skorohodov M.V. *Tarusskaia zhizn' Konstantina Paustovskogo: v poiskah garmonii* [Konstantin Paustovsky's Life in Tarusa: in Search of Harmony]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes by Orel State University], 2024, no. 2 (103), pp. 172–176. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 27.07.2025; принята к публикации 04.08.2025.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 27.07.2025; accepted for publication 04.08.2025.